

Постникова Татьяна Мефодьевна

Детектив с тигром

из цикла "Дилетантские детективы"

16+

Татьяна Мефодьевна Постникова Детектив с тигром. Из цикла «Дилетантские детективы»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=62781517

SelfPub; 2020

Аннотация

В маленьком частном зверинце в клетке с тигром вдруг обнаружена отрубленная левая кисть человеческой руки. Что это? Чья-то глупая и циничная шутка или реальное преступление? Полицейские подозревают работников по уходу за животными, так как только они могут поодиночке входить в клетки хищников. Зою Зареченскую задерживают. Кто поможет девушке и сумеет найти настоящего преступника? Читайте в очередном дилетантском детективе Т. Постниковой "Детектив с тигром".

Я человек обыкновенный. Не полный дурак, конечно, но и не академик, какой. Восемь классов окончил скорее благодаря тому, что учителям до отрыжки надоело со мной возиться, и они предпочли дать мне «путёвку в жизнь», и больше не тужиться, перетягивая меня из класса в класс.

Я это всё к чему говорю. Мозги у меня на разгадывание преступлений не заточены. Да я бы и не сунулся, вот только Зойку пожалел. Девчонке и так в жизни досталось. По лицу её как трактор прошёл: нос перебит, скула сломана, шрам от угла брови до челюсти. Но девчонка она хорошая добрая. Сколько раз меня выручала.

Я ведь это... Короче, выпиваю. Я из-за этого и из цирка вылетел. А ведь с самими Запашными работал! За зверями ихними ухаживал. Иногда на репетициях на стрёме стоял. Ну, там, со шлангом или пугачом. Зверь, он даже дрессированный, зверем остаётся. Это вам не собачка декоративная в шлеечке со стразами.

Ну, вот мне сколько раз говорили, что к зверям под этим делом никак нельзя. Не любят они пьяных. Заразы, понимали бы чего! Короче, сунулся в клетку в подпитии...

А у нас, цирковых, все, как одна семья. Старик Егорыч бросился меня, дурака пьяного спасать и сам пострадал.

Пришлось из цирка уйти.

Пристроился я в небольшой частный зоопарк. Мы с Зойкой там, в смену работаем. Она храбрая. Хищников не боится, а у нас ведь и волки есть, и медведь, и, даже, тигр.

Сколько раз, когда я в запой уходил, меня Зоя прикрывала и выходила в мою смену. По-тихому. Если бы она нашему хозяину об этом хоть раз сказала, ей бы за эти часы приплачивали бы, ну а мне, соответственно, пистон бы вставили.

А деньги-то Зое ведь лишними не были бы. Она сама признавалась, что на пластическую операцию скопить хочет. Понятно, девчонке двадцать лет, а у неё физия такая несообразная.

Мы с Зойкой через день работаем. Я вообще после смены обычно расслабляюсь. Вот я приду вечером, выпью, сколько душа просит, а на следующий день – ни-ни. Стараюсь, по крайней мере.

В тот раз всё, как обычно было. Домой пришёл, по дороге всё, что нужно купил. Расслабился. А что? Имею право. Живу один. Никто над ухом не жужжит. Только чувствую утром, что надо ещё. Ну, я Махмудке, который у меня комнату снимает, денежку дал, чтобы он в магазин сбегал. Махмудка – он честный. Сразу всё принесёт как надобно, а сдачу, понятно, себе за труды возьмёт.

Только я, значит, сел за стол – звонок. Наш ветеринар трезвонит. Владимир Михайлович. Срочно на работу вызывает. ЧП там у них.

Ага, у них там ЧП, а у меня, между прочим, на столе такой натюрморт, хоть картину пиши: капуста квашенная хрустящая, опёночки маринованные, сальце домашнее с прожилочками, хлебушек ржаной свеженький. А главное, она, роди-

мая. Стоит на столе запотевшая, а по горлышку слезинка скатывается.

Ну как тут уйдёшь?

Да только с нашим Михалычем лучше не спорить. Такой мужик въедливый!

Короче, прихожу в наш зверинец. А там такое, что у меня и вчерашний хмель выветрился.

Тигр наш Рыжик по вольеру мечется. Шерсть на загривке дыбом, глаза горят, усищи, как клешни вперёд выставлены. Кто-то ему руку натуральную человеческую в вольер кинул. Да от такого не только тигр, котёнок озверееет.

А у нас Рыжик с характером. Сколько я тигров, львов и леопардов в цирке повидал, да только они, по сравнению с нашим бандюганом, просто паиньки. Рыжику жизнь досталась нелёгкая. Ему месяц всего был, как один придурок его своей бабе подарил. Малыши они все лапочки, да только из некоторых потом тигры вырастают. Ну, хозяйка тоже, видать не большого ума Рыжику досталась. По всяким тусовкам его таскала и для модных журналов с ним фоткалась. Всякие там селфи-мелфи, сюсю-мусю. А потом Рыжик подрос. Собственно, как и следовало ожидать. А подросший тигр уже на игрушку не похож. К полугоду зверь уже стал реально опасным. Хозяйке своей безмозглой спину разодрал. Без злобы, просто шалил так. Она спохватилась и велела Рыжика в клетку переселить в глубине сада. А ему, зверю-то, тоже обидно. Он ведь привык на хозяйской постели спать, по диванам ва-

латься, со стола вкусняшки выпрашивать. А в клетке у него характер совсем испортился. И стала хозяйка придумывать, куда бы тигра деть. А тут проблема – ни цирки, ни зоопарки не берут. Там ведь документы нужны: что за зверь, да откуда, да чем болел, и когда прививки делали. А ведь он для хозяйки своей вроде куклы был. Никаких документов у него не было, да и воспитанием никто не занимался.

Вот так и попал Рыжик к нам. Повезло зверю. А то уж хозяйка планировала его пристрелить и шкуру перед камином положить. Сначала сюсюкалась с ним, а потом шкуру перед камином! Не слабо так.

Вот такому зверю кто-то руку, отрубленную человеческую и подсунул. Не муляж какой-нибудь. Настоящую! А для хищника это страшное дело. Ему же постоянно внушают страх перед человеком. Иначе, фиг со зверюгой справишься.

Короче, к моему приезду картина маслом: тигр лютует, мент орёт, чтобы ему эту руку достали непременно. А Зоя хоть и храбрая, а всё равно девчонка. Истерика у неё, понятное дело. А меня вызвали, чтобы я, значит, с Рыжиком договорился, и пакость эту отрубленную из клетки достал.

Я нашему ветеринару и говорю:

– Ты чего, Михалыч? Я же выпимши. Сейчас кроме той руки ещё мои части тела в клетке образуются.

А ветеринар наш уже и не знает, кого ему бояться больше. То ли тигра, то ли куска трупа, то ли полицейских.

А ведь ещё и Хозяин есть. Он когда обо всём этом узна-

ет...

Ну, я, короче, приготовил багор, тигра водой из шланга окатил от души, чтобы Рыжик наш охолонул слегонца, и пока он башкой тряс, руку эту клятую багром подцепил и под решёткой из клетки выволок.

Я уж хотел потихоньку в сторону дома порулить. Ждут же меня там. Сальце заветривается, капуста подсыхает, да и родимая, небось, согрелась.

Да только полицейские велели не расходиться, потому, как допрашивать сейчас всех будут. Вот ещё незадача!

Ну, я потихоньку вдоль клеток пошёл. Зверьё-то голодное. Кормить их или пока можно потерпеть? У нас правило такое: кормёжку с Рыжика начинаем, потом к Потапычу, потом к волкам, за ними к мелким хищникам, а уж в последнюю очередь к копытным. Когда к хищнику заходишь, а от тебя более сильным зверем пахнет, тут проблем никаких, а если наоборот, то зверьё яриться начинает. Только тигру лучше поголодать сегодня, чтобы успокоился. А с остальными-то что делать?

Дохожу до волчьей клетки. И у них какая-то мустолыжка полуобглоданная валяется. Ещё одна рука? Это что такое? Кто-то не поленился и весь погост к нам перетаскал?!

Ну, я полицейского капитана и спрашиваю, эту руку им доставать, или как.

Тут такое светопреставление началось! Лучше и не вспоминать. Полицейские вооружённое подкрепление вызвали.

Зверинец наш окружили. Все клетки обыскивать начали. Но, слава Богу, больше никаких частей тел не обнаружили. Только зверьё перепугали.

В самые подозреваемые мы с Зойкой попали. Ну, типа, нам делать больше нечего, как всякую дрянь в клетки подбрасывать.

С Зоей поговорить-то не получилось. Её Михалыч валерьянкой накачал до полного отупения. Сидит девчонка, глазами хлопает, как совёнок и ни фига не соображает. Поэтому следователь с меня решил начать.

Ну, а я что? Ничего. Всё равно уже весь кайф поломали. Да только от меня толку тоже мало. Меня же не было, когда тигру и волкам эти конечности подсовывали. А если бы я рядом оказался, то точно бы по шеям шутнику надавал. Так я следователю и сказал. А он всё докапывается.

– Вы ведь, Григорий Алексеевич выпиваете?

– Ну, да. На свои пью. И в нерабочее время.

– А не могло ли на вас под влиянием алкоголя накатить затмение, при котором вы залезли бы в клетки и подложили хищникам фрагменты человеческих тел. Живёте вы совсем рядом, а охраны в зверинце ночью нет.

– Ну, во-первых, где бы я эти фрагменты взял? Кладбища или морга поблизости нет, а в магазине такое не купишь. А во-вторых, я однажды сунулся в подпитии в клетку. Этот опыт намертво в мою сущность впечатался.

– А кто ещё кроме вас и Зои Максимовны Зареченской

может войти в клетки к хищникам.

– Ветеринар наш заходит, Владимир Михайлович. Когда осмотреть животных надо, или там прививки какие сделать. Хозяин может зайти, если для рекламы сняться надо. Но они к хищникам в одиночку не заходят. Я обычно на подстраховке в самой клетке, а Валерия Викторовна... Ну, это наш бухгалтер и кассирша, по совместительству. Так вот, она со шлангом рядом с клеткой стоит.

– Получается, что кроме вас и Зареченской никто не мог поместить в клетку фрагменты человеческих тел.

– Да почему же не мог? Вы же видели, как я багром у тигра из клетки под решёткой руку доставал. А кто мог помешать шутнику таким же манером её вовнутрь пропихнуть тем же багром?

Короче долго он меня мурыжил. Да только без толку.

Домой вернулся я поздно. Капуста засохла, грибы почернели, а сало осклизло. Всё в помойку. Да и пить уже некогда. Тем более, что уже поздно, а завтра с утра на работу. Клетки сегодня не чистили, зверей не кормили. Значит, завтра работы будет невпроворот.

К утру зверушки наши успокоились. А Рыжик даже ласкаться начал. С голодухи.

Я клетки убираю, а сам всё поглядываю, нет ли сегодня каких сюрпризов.

Обошлось.

Я уже у верблюдов возился, вдруг прибегает Валерия Вик-

торовна и кричит:

– Гришка, ты сегодня вечером не расслабляйся! Завтра опять на работу.

– Это ещё почему? – Спрашиваю.

– Зою арестовали. Представляешь, та рука, которая у Рыжика была, оказывается, принадлежала Зойкиному отцу.

– Глупость, какая. Что, Зоя своему отцу руку отрезала?

– Да нет, руку ему в больнице ампутировали. Месяц назад.

Из-за диабета.

– Ну, и причём тут Зоя?

– Так ведь не зря же именно в нашем зверинце его рука появилась! Тем более, что у Зойки с отцом очень плохие отношения.

– Я так и не понял, какая тут связь.

– Ну, оперативникам виднее. Только Зареченскую они арестовали.

– А вторая рука тоже Зойкиного отца?

– Нет, не может же у него быть две левые руки. И вообще, про эту руку известно только то, что она женская, и Зое не родственная.

Ну, ваще!

У нас в зверинце уборка и кормёжка утром и вечером. А днём я обычно домой уходил. Обедал, отдыхал до вечерней кормёжки. Но в этот день решил остаться и напроситься на чай к Валерии Викторовне. И ветеринар наш подгрёб. Сидим, обсуждаем, что да как. Ведь не каждый день у нас со-

трудников арестовывают и всякую дрянь в клетки подбрасывают.

– Я давно хозяину говорил, что охрану нам надо, – бухтел Михалыч, – сегодня зверям расчленёнку подкинули, а завтра и вовсе шкуры с бедолаг снимают.

– Много ты понимаешь, – рассердилась Валерия Викторовна, – от зверинца и без того одни убытки. Зрителей мало, а жрут звери ого-го! Где ещё на охрану-то денег взять?

– Ага, а как случись что, виноватых среди нас искать будут, – буркнул ветеринар.

– Точно, вон Зойку уже посадили. А причём тут она? – Подхватил я.

– А притом. Лицо у неё такое из-за отца. Я точно не знаю, что там произошло, но конфликт случился нешуточный. Она от отца ушла и сейчас у тётки живёт. Так тётка эта, сестра Зойкиной матери, на зятя даже в суд пыталась подать за племяшку.

– А чего же не подала?

– Да он там какой-то мент в погонах. Дело замяли. А только есть у Зойки причина на отца-то зуб иметь.

– Так ведь руку же врачи отрезали! А вторая рука вообще неизвестно чья. Причём тут наша Зойка?

– Ну, что ты заладил: «причём, причём». Да не знаю я! А только очень всё сходится. И на отца обида, и рука у тигра в нашем зверинце. Не просто так это всё.

Да, наверно, не просто так. Только непонятно это всё.

Ну, я, на всякий случай, у Валерии координаты Зойкиной тетки взял.

Дай, думаю, схожу к ней. Может, прояснится чего. Не люблю я, когда непонятно.

Ну, позвонил, попросил разрешения заглянуть вечером. А тётка-то эта, Антонина Леонидовна, даже обрадовалась.

– Спасибо вам, Гриша, за ваше участие. А то сижу одна, не знаю, что и думать. И Зоеньку до слёз жалко. И полицейские с обыском приходили, как будто мы преступники.

Я после работы помылся, переоделся в чистое. Пусть видит Зоина тётушка, что племяшка её не в каком-то бомжатнике работает, а с приличными людьми.

Ровно в восемь, как договаривались, я уже в дверь звонил. Открыла мне женщина хоть и немолодая, но красивая, как артистка. Я аж стушевался. К таким женщинам наверно в костюме и галстукѣ приходиться надо. А я в свитере и джинсах.

Но Антонина оказалась женщиной с понятием.

– Ой, Гриша, вы же после работы. Голодный наверно. Мойте руки – и к столу. У меня всё готово.

И впрямь. Котлетки домашние, картошечка жаренная, салатик с «Кириешками». Ну, и бутылочка, натурально. Я сначала-то руку к ней потянул, но спохватился и отдёрунул.

– Извините, – говорю, – Антонина Леонидовна, а только мне завтра с утра на работу, а зверь он в строгости держит.

Да мы с Антониной и без водочки поговорили душевно. И всё она мне про несчастную Зоину жизнь рассказала.

Сестра Антонинина, Настя умерла, когда Зое десять лет было. Отец Зоин недолго вдовствовал, и через год женился. Отношения в семье были сложные. Сколько раз Зоя к тётке прибегала на мачеху жаловалась. Но всё-таки, жили, худо-бедно. Да вот только Зоя в семнадцать лет влюбилась. Костик Ливадов мальчиком оказался положительным. Из хорошей семьи, умненький, как раз только поступил в медицинский институт. И с Зоей у них всё хорошо было, серьёзно. Вот только немножко они поторопились и далеко зашли в своих отношениях. Ну, Максим как узнал, что Зоя забеременела, так словно с цепи сорвался. Скандалы каждый день. Костика побить не пытался, а всё зло на Зое срывал.

Уж сколько Антонина пыталась зятя успокоить. Дескать, Зое через два месяца восемнадцать исполнится. Поженятся они с Костилом, и ребёнок уже в браке родится. А Костик – мальчик хороший, и родители у него люди приличные. Да, семья небогатая, но не всем же за олигархов замуж выходить. Не напасёшься олигархов-то!

Зоин отец с мачехой даже заявление на Костика подали за связь с несовершеннолетней, да только Зоя, когда её спрашивать стали, так и объяснила, что никакого насилия и соращения не было, а просто любят они с Костей друг друга и собираются пожениться, как только закон позволит.

После этого Максим совсем озверел, и так однажды дочь избил, что у неё выкидыш случился. Она как пришла в себя в луже крови и поняла, что ребёнка потеряла, добралась до

окна и выбросилась из него. Убиться не убилась: третий этаж всего. Но поломалась сильно. Руки сломала, ключицу, рёбра. А, главное, лицо сильно изуродовала.

Антонина пыталась в суд подать за причинение тяжких телесных повреждений племяннице, но тут экспертиза как по волшебству объявилась. А в экспертном Акте чёрным по белому написано, что все повреждения соответствуют падению с высоты. А выкидыш отчего случился – то врачам неведомо.

Больше года Зоя по больницам мыкалась: сначала в хирургии, потом в психушке, как суицидница. За это время Костик как-то пропал с горизонта. Да и то сказать, Зоя до этого несчастья красавицей была. А теперь...

Антонина мне и фотки Зоины показала. И впрямь, хороша была девчонка!

Удивился я на этого Костика. Чего он от Зои отвернулся? Ну, да, лицо изуродовано, но ведь она той же девушкой осталась, в которую он влюбился и на которой жениться собирался. Он же не на одном лице жениться хотел. Да и виноваты в произошедшем оба ведь были. Пожалуй, даже Костик, как мужику и будущему медику следовало бы побольше ответственности проявить. Девчонки, они что? Слабый пол. А уж как до любви дойдёт, у них, бедняжек вообще крышу сносит. Тут мужикам думать надо.

А он её бросил. Да ещё в такой тяжёлый момент. Такой слабак? Или просто гад? Мне захотелось ему в глаза посмот-

реть. Да только где они, те глаза?

Стоп! Зое было семнадцать, когда Костик поступил в институт. Медицинский. Сейчас Зое двадцать. По всему выходит, что её Костик должен учиться на третьем-четвёртом курсе. А сколько в Москве медицинских институтов? Три или четыре. Да пусть хоть десять, всё равно не фиг делать! Найдём прекрасного принца. Тем более, что днём-то я свободен. Как раз, когда студенты учатся.

На следующий день примчался на работу пораньше, всё, что надо сделал, потом Михалыча предупредил, что возможно вечером немного припозднюсь, но пусть они с Валерией не волнуются – всё будет тип-топ.

Начал я с лечфака Второго меда. Просто этот институт ближе всего к нам, а факультет я выбрал потому, что не знал, какие там ещё есть.

Пошёл я, понятно, не в деканат, а в курилку. Курить в институте нельзя, так ребята под курилку вентиляторную приспособили. А там всякие трубы, моторы. Красота! Только залезать неудобно. И шумно очень. Зато никто из преподав или администрации не заглядывает.

Смотрю, ребята по возрасту подходящие, ну я и спросил, нет ли среди них Константина Ливадова.

Нет, ну бывает же в жизни так. Действовал наудачу, и сразу попал в точку.

Был, говорят такой. С нами в группе учился. Да только выперли его месяц назад из института.

– За что?

– Шутник он был, твой Костик. Да вот шутки его не всем по вкусу пришлись.

– Да что такое? Расскажите толком.

– Да он как-то раз на занятия нашей англичанке селезёнку принёс. А она у нас женщина сублильная нервическая. Что было!

– Какую селезёнку?

– Да обыкновенную. Человеческую. Из трупа изъятую.

– Из вашей анатомички утащил?

Ребята невесело засмеялись. Потом один из них сообщил.

– Ты что? У нас там такой цербер сидит, что если бы Костик из нашей анатомички попытался бы селезёнку или ещё какой шманделок утащить, то его бы органы оказались рядом. В банках с формалином.

– А откуда же он её взял? Может, это баранья какая-нибудь?

– Да нет. Человеческая. Даже не сомневайся, – сказал один.

А второй добавил:

– Костик же в каком-то морге санитаром подрабатывает. Видно там и прихватил. Шутник!

– Что-то вы о нём без особой теплоты говорите.

– А какая тут теплота может быть. Его из института попросили, но и нам всем досталось. Три дня в анатомичке сидели, все образцы перепроверяли на наличие и целостность.

Формалином провоняли, что твои зомби. Ох уж мы и поминали Костю. Икалось ему, небось, до потери пульса.

Хотел я у ребят адрес Константина спросить, да потом подумал: а зачем? Расстались-то они с Зоей три года назад. Да и неизвестно почему. Может, девчонка сама не захотела отношения продолжать. Ну, типа, ты меня красавицей любил, а я уже не та. И вообще, прошлая жизнь кончилась, и вспоминать про неё не хочу. А если он сам свинтил, то тем более, на такого смотреть неохота.

А вечером после работы меня ждал неприятный сюрприз. Подхожу к дому, а там меня менты поджидают. Опаньки! А это ещё зачем?

Я, конечно, не ангел, но вроде ничего особенно интересного для полиции не сделал. Вот только Махмудка у меня живёт без регистрации.

А что ему делать прикажете? Он в Россию не погулять приехал, а деньги зашибить. А если ему за свой счёт регистрацию оформлять, так ещё и в минусе парень окажется. И почему у нас всё так не по уму? Махмудка парень-то хороший. И работать умеет, и аккуратный, и честный. А вот всё равно, словно преступник какой. А иной, ворует без стеснения, а остаётся человеком уважаемым. И полиция к нему не пристаёт, и всякие газеты-телевизоры нахваливают, и даже в народные избранники ему баллотироваться можно.

Ну, я к ментам, чем, дескать, обязан. А они мне ордер на обыск показывают.

– Проходите, – говорю, – только я прямо с работы, зверьём от меня припахивает. Переодеться то, хоть можно?

– Нет, – отвечает старлей, и говорит, – лучше подумайте, гражданин Укропов, есть ли у вас что-либо, важное для следствия. В ваших интересах отдать это добровольно до начала обыска.

Знать бы ещё, что для их следствия важно.

Ну, Махмудка, понятно. Да только, похоже, он сбежать успел. Дверь в его комнату приоткрыта, и оттуда ни мур-мур.

Ну, бутылка водки у меня стоит. С тех самых пор. Нераспечатанная. Так ведь она, голубушка в магазине куплена. За деньги. А что ещё такого криминального? Даже и не соображу.

А старлей напирает.

– А есть ли в вашем доме топор?

Ну, ёлки кучерявые! Есть ли топор? Да у меня в доме печное отопление, а интеллигентно разделявать дрова ножом и вилкой, я не обучен.

В нашем посёлке через дорогу огромный жилой массив выстроили. Вот там, в домах и центральное отопление, и удобства всякие, и даже мусоропровод. А у нас, в частном секторе, всё по-простому: печка, сеновал и сортир в конце огорода. Потому и топоры есть, и лопаты, и вилы. И ещё много такого, о чём горожане и не слыхивали. Даже прялка прабабкина в сарае стоит.

Принёс я полицейским все четыре топора. У меня один

рабочий, второй запасной, а ещё маленький топорик есть – я им лучину щиплю на растопку, и колун полупудовый для кряжистых поленьев.

Пошли мы в дом. Тут один из полицейских (вот ей Богу не вру!) на четыре кости опустил и начал пол мой в лупу разглядывать. И чего найти хотел? Пол, как пол. Ну, грязноватый. Убираться-то я не очень люблю. Ну, и что такого? Мне тут балы не устраивать. А он бедолага, полицейский этот, ползает на карачках, и всё в лупу смотрит, ещё и лампочкой какой-то себе светит. Весь пол своими брюками протёр. А потом ещё и в сарай пошёл, и там генеральную уборку делать начал. Во даёт! Может, это и не полиция вовсе, а какая-то клининговая компания рекламную акцию проводит.

А остальные в шкафах роются, в ящиках стола. Глядишь, и там порядок наведут.

Меня Марья Даниловна, соседка, которую в понятия позвали, шёпотом спрашивает:

– Гриша, а чего они ищут-то?

– Да не знаю я.

Тут участковый наш, Димка Филиппов прикрикнул на нас сердито.

– Не положено разговаривать!

А потом сам не выдержал и проболтался.

– Та рука, которую в клетке у волков нашли, у живого человека отрублена. Топором. На деревянном полу.

Нет, ну, вы даёте, ребята! А я-то тут причём?

Наверно, полицейские очень часто с преступниками общаются, и им кажется, что любой человек может просто так, за здорово живёшь, взять и живому человеку руку оттяпать. Да об этом подумать-то страшно, не то, что сделать!

Вон Марья Даниловна аж побледнела вся. Да и муж её, Сан Саныч, в лице переменился и бочком, бочком к двери. Меня и самого замутило.

Часа два полицейские возились. Ну, кончили обыскивать, наконец. Нашли чего, или нет – не знаю. Какие-то бумаги дали подписать. И мне и понятным. Потом сели в машину и укатили. И топоры с собой забрали. Да мне не жалко. Берите, ребята, коли надо. Я себе ещё куплю.

На следующий день, придя на работу, я узнал, что Зоину тётушку, Антонину Леонидовну тоже арестовали. Принесла эту новость, понятно, Валерия Викторовна. У неё же зять в полиции служит. Вот она всё и знает.

– Рука-то вторая оказалось Зойкиной мачехе принадлежит, – от возбуждения Валерия аж подпрыгивала на месте, хотя при её корпулентности это непросто.

– Да откуда это известно-то? – Спросил Михалыч.

– Экспертизу провели, специальную. Сравнили ДНК этой руки с личными вещами мачехи. Всё совпало. Руку отрубили у неё как раз в ту ночь, когда в клетку волкам подкинули.

– А что же мачеха, в полицию не заявила. Или она в больнице без сознания?

– Пропала она. И никто не знает куда. Уже в розыск объ-

явили. Вот по всему и выходит, что либо сама Зоя, либо её тётка в этом виноватые.

– А на фига им было эти руки в наш зверинец подбрасывать? Может кто-то специально тень на плетень наводит, что бы Зою с тёткой подставить, – предположил я.

– Это пока неизвестно. А только понятно, что всё это, так или иначе, с Зареченской связано.

Зоя появилась на работе через три дня. Бледная, осунувшаяся, перепуганная насмерть. Отпустили её, потому, что вины доказать не смогли. А без этого только на три дня задерживать можно.

Валерия баба-то добрая. Как Зойку увидела, так сразу к ней бросилась.

– Зоенька, как ты? Ты чего на работу-то пришла? Тебя же ноги не держат. Отлежалась бы дома.

– Не могу я дома. У меня же ближе тёти Тони и вас никого нет. А тётю в больницу увезли. С инфарктом. Прямо из тюрьмы.

Вот тогда я, наверно, и решил во всём этом разобраться. Жалко мне стало и Зою, и Антонину Леонидовну. За что их жизнь так выламывает? В то, что они руку у живого человека отрубить могли, да ещё хищникам подбросить, я ни на минуту не поверил. Это в полиции могут себе что-то там выдумывать, а я Зою два года знаю. И уверен, что она не из тех, кто на такое способен.

Что же. Начнём с самого начала. Что точно известно-то?

Рука, оказавшаяся у Рыжика, была вполне законным путём ампутирована у Зоиного отца в больнице. Вот с этой руки и начну, пожалуй.

Стоп. Что-то мне студенты-медики говорили, что Константин в морге работал. При больнице наверно. Где у нас ещё морги-то есть? Если он мог в морге селезёнку взять, то, может, и руку там же прихватил. Вот зачем непонятно. Но может, у него с головой беда какая. Ну не пережил парень случившегося с любимой девушкой, и тронулся умом. Правда, долго он как-то трогался, целых три года. А сколько надо? Я, вообще-то, в этих делах не силен.

Надо бы узнать, в какой больнице Зойкин отец лежал.

Обо всём этом я размышлял, убираясь у животных. Закончив с этим делом, я отправился в контору. Там Валерия Викторовна и Владимир Михайлович Зою чаем отпаивали с вареньем. А она всё плакала. Даже точнее, не плакала, а как-то сочилась слезами, и никак успокоиться не могла.

Я решил, что найду ту сволочь, что с девчонкой такое сделала.

– Слышь, Зой, а в какой больнице твоему отцу руку отрезали? – Спросил я.

Валерия замахала на меня руками и зашипела как рассерженная кошка, а Михалыч покрутил пальцем у виска, дескать, Зое и так плохо, а тут я с расспросами лезу.

Но Зоя подняла на меня заплаканные глаза и тихо сказала:
– В шестой.

А потом заговорила торопливо, всхлипывая и проглатывая от волнения слова.

– Предст’авляешь, Гриш, я ведь его нав’вестить п’приехала, когда узнала, что с ним приключ’чилось, а он видеть меня не за’хотел. Через врача пе’редал, чтобы я уб’биралась прочь, потому как нет мне про’щенья. Врач ещё и от себя добавил, что такие детки только г’горе родителям приносят, и лучше бы им вообще на свет не рож’рождаться.

Ишь ты, обидчивый какой! А когда он дочку свою лупцевал без всякой жалости, он о чём думал?

А вслух я спросил:

– И за что же он так на тебя рассердился?

– Да ведь тётя Тоня, когда у неё заявление в полиции не взяли, к папиному начальнику пошла. Уголовное дело не завели, но очередного звания папе не дали, а потом при первой же переаттестации и вовсе от него постарались избавиться.

Ну, это понятно. Если он с родной дочерью так обошёл-ся, то и ещё кого-нибудь изуродовать, а то и убить смог бы. А удалось бы это замаять или нет – неизвестно. От таких вспыльчивых начальству один геморрой. И лучше от них избавляться, пока и над начальственными погонами тучи не сгустились.

Так, что же мы имеем? В шестой больнице руку ампутировали. Надо бы туда заглянуть. Михалыч мне помог эту больницу по Интернету найти. Правда, всё допытывался, зачем это мне.

– Прости, Михалыч, – говорю, – я пока и сам толком не знаю. Вот разберусь чуток, и всё расскажу.

– Смотри, глупостей там не наделай.

Да не собираюсь я никаких глупостей делать. Их и без меня в этом мире есть кому творить.

На следующий день прихожу на работу, а Зоя уже у Рыжика клетку чистит. И вот ведь, штука какая, Рыжик – зверюга дикая, хищник, а к Зойке ластится! То ли соскучился, то ли понимает, что плохо девчонке, и утешить её хочет.

– Справишься одна сегодня? – Спрашиваю.

– Справлюсь, Гриша, не сомневайся.

Ну, а раз такое дело, я развернулся и поехал в эту шестую больницу.

Нашёл морг. Сунулся туда, да только там какая-то тётка мне навстречу выскочила. Злая, как оса. Налетела на меня.

– Вы куда идёте. Если у вас тут покойник, то вход с другой стороны. Всё же написано!

Я аж попятился.

– Нету, – говорю, – у меня тут покойника. Я вообще живого человека ищу.

– А про живых надо в справочной узнавать, а не по моргам таскаться.

И почему она такая злая? Я же ничего плохого не сделал и обидного ей не сказал. Неужели она по жизни такая бешеная? А может, у неё неприятности какие-нибудь. Ладно, пёс с ней. Постою в сторонке. Может, выйдет кто. Есть же там

живые люди, кроме этой тётки.

И впрямь, часа не прошло, как вышел молодой парень. Потянулся, на солнышко посмотрел, закурил. Я к нему. Поздоровался вежливо, представился. Спросил, не в морге ли он работает.

– В морге. Только тебе если покойника обиходить по-особому надо, так это не ко мне. У нас этим санитары занимаются. Среди них даже визажист есть настоящий. Всё в лучшем виде ребята сделают. И платить им напрямую надо. А я тут не при делах. Я патоморфолог и совсем другим занимаюсь.

– Да нет, мне узнать надо, не работает ли у вас Ливадов Константин.

– Работает. Только я его уже несколько дней что-то не вижу. Может, заболел. Но это надо у нашей Элеоноры Александровны спрашивать. Она главная.

– Это такая злая тётка с халой на голове?

– Она. Элеонора у нас, конечно строгая, но без причины на людей не бросается.

Ага, знаем мы, как не бросается.

– А тебе зачем Костик-то нужен?

– Понимаешь, месяц назад тут у одного мужика левую руку ампутировали, а потом её кто-то в наш зверинец подкинул. Вот я и хотел спросить Костика, не он ли так глупо пошутил. Из-за этой шутки хороший человек пострадать может.

– Ну, это вряд ли Костик мог сделать. Руку в хирургии

ампутировали. К нам она попасть не могла. Только если мужик умер во время операции. Что бы уж, хе-хе, комплектом хоронить. Прости, это у нас юмор такой, специфический.

– А куда же она делась? Её что тому мужику отдали? У которого отрезали?

– Да нет, конечно. Только и в морг такое не несут.

– Как это?

– А зачем это в морге? Сюда тела умерших людей поступают. Здесь мы проверяем, отчего человек умер, не было ли врачебной ошибки. Ну и готовим к достойному погребению. А если нам сюда каждый аппендикс потащут вкупе с аденоидами и ампутированными конечностями...

– А куда же их девают? Не на помойку же?

– Существует специально разработанный порядок утилизации биологических потенциально опасных отходов. Всё это сразу помещается в специальный мешок или контейнер, герметизируется и отправляется в печь.

– А украсть ампутированную руку из этого мешка можно?

– Ну, парень, у тебя тоже юмор, как у патологоанатома, специфический. Да кому же в голову придёт в этом мешке ковыряться? Даже думать противно. Да и не безопасно это.

Ну да. Только рука-то как-то выбралась из этого мешка и попала в клетку к Рыжику. Вряд ли она смогла это сама сделать. Да ещё через три месяца.

Напоследок я, набравшись храбрости, отправился на поклон к суровой Элеоноре Александровне, чтобы узнать ад-

рес Константина Ливадова.

Элеоноре я рассказал всё. Она оказалась совсем не вредной, просто жутко усталой и замороченной.

– А рука-то точно Зареченскому принадлежит?

– Так в полиции эксперты установили. А я не знаю.

– Дичь несусветная!

– Может и дичь. Да только Зою с её тётушкой по-настоящему в тюрьму сажали. А я даже представить не могу, как ещё связать ампутированную руку Зареченского с нашим зверинцем. Кроме парня, который был в Зою влюблён, а сейчас у вас работает, больше никаких пересечений нет.

– А я пока всё равно связи не вижу.

– Костик, может, знает кого-то, кто ещё мог быть связан с вашей больницей и нашим тигром.

– Хорошо. Дам я тебе адрес Ливадова. Ему от бабки с дедом домик в пригороде достался. Туда он и съехал от родителей. Только глупостей там не наделай!

Я, правда, так на дурака похож, что меня все об этом предупреждают?

Адрес я быстро нашёл. Костик-то вроде меня, в деревне жил, через дорогу от городских кварталов. Халабуда его, как и моя, последние денёчки, видать, доживала. Даже двора-то при ней не было. Прямо с шоссе так и заходи.

Дверь мне Костик открыл, ну, вообще, никакой. Вот зараза! Я, можно сказать, из-за его шуточек дурацких почти неделю до бутылки в собственном холодильнике дойти не

могу, а этот, оттягивается в своё удовольствие. Паразит!

Начал я его про руку-то спрашивать, а он как заорёт вдруг:

– Да! Да! Да! Убил я эту бабу! Сначала руку ей отрубил, а потом и прикончил заразу, потому, как визжала она на весь посёлок.

Я аж растерялся. Какую бабу? Я же его про другую руку спросить хотел. Ну, про ту, которую у Зойкиного отца ампутировали.

Только пока я ушами-то хлопал, Костик вдруг бутылку, недопитую об угол стола дербулызнул.

Во, дурак! Там же ещё грамм пятьдесят оставалось навскидку.

В воздухе разлился знакомый запах, только он, почему-то, показался мне неприятным.

Зажав горлышко бутылки в руке, Костик двинулся с этой «розочкой» на меня.

Э-э, нет. Шалишь, брат. Я, худо-бедно с тиграми и львами справлялся, а уж с таким сусликом дранным...

Короче, двинул я ему раза! Потом взял поганца за шкирман, встряхнул маленько, чтобы в чувство привести. Похоже, перестарался немного, у Костика все косточки брякнули. Ну, я его, значит, аккуратненько на пол уложил и набрал 102. Пусть там сами в полиции разбираются, где, чьи руки, а я что-то совсем запутался.

Я потом и в суд ходил. Зоеньку не пустил. Мы с ней маленького ждём, и не к чему в её положении всякие страсти

слушать.

Костик на суде и рассказал, что обозлился на Зоиных родаков, за любовь свою порушенную. Долго не мог придумать, как отомстить. Да случайно узнал, про ампутацию руки у Зареченского. Тут у него план мести и созрел. Месяц потом эту руку в собственной морозилке хранил, пока Зоину мачеху выслеживал, да заманить сумел в свой «коттедж». Во, урод!

Ну, мы с Зоей поженились, и всё у нас путём.

Операцию пока делать не стали: беременным нельзя, доктор сказал. Я даже обрадовался про себя. Эту-то Зою я люблю, а после операции она другой станет, чужой совсем.

Но мы, конечно, сделаем потом эту пластику. Уж очень Зойке хочется. Денег накопим, и сделаем у самого лучшего доктора. А что, разве два честно работающих и непьющих человека нужной суммы накопить не смогут?

А бутылку ту, последнюю, которую я так и не выпил, мы теперь вместо талисмана семейного храним.